

БРУНО И НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ

Философия Николая Кузанского справедливо считается важнейшим источником метафизики Джордано Бруно, однако сложившиеся в науке представления о характере этого влияния несвободны от схематизмов и искажений, спровоцированных вполне гетерогенными по отношению к корпусам сочинений обоих мыслителей историко-философскими теориями и модами. Принято считать, что Бруно перенял от Кузанца главным образом учение о совпадении противоположностей; более того, что именно это учение лежит в основании системы философии как самого Николая из Кузы, так и, вслед за ним, философа из Нолы, образуя удобную для историков точку соприкосновения между ними.

Но можно ли в действительности говорить о философии Кузанца, равно как и Бруно, как о системе, понимаемой как целостное и внутренне непротиворечивое знание, выведенное из ограниченного числа основоположений? Такая трактовка этих мыслителей есть не что иное, как ретроградная проекция идей XVIII и XIX столетий, и можно назвать конкретные имена, за это ответственные, и указать исторический момент возникновения данной историко-философской концепции. Идея о том, что всякая «настоящая» философия должна быть системой, принадлежит основателю дисциплины Якобу Брукеру: именно в его «Критической истории философии ль начал мира до нашего времени» в начале 40-х годов XVIII был предложен методологический ориентир: из числа мыслителей прошлого внимания заслуживают лишь те, кто создал систему. Сам Брукер, впрочем, не считал создателями систем ни Кузанца, ни Бруно. Лишь Франц Клеменс в своем пионерском труде, посвященном обоим философам (*Giordano Bruno und Nikolaus von Kusa*, 1847), впервые на протяжении более чем ста страниц доказывает наличие у Кузанца системы – не основанной, однако, на принципе *coincidentia oppositorum*. Эту черту в складывающуюся постепенно картину внес Эдуард Эрдманн в своем влиятельном «Очерке истории философии» 1866 г.; такую интерпретацию подхватил видный исследователь творений Николая Рихард Фалькенберг (1880), а Пьер Дюгем позднее спроецировал ее на область истории науки. Тот же Эрдманн, выявивший «центральный принцип» философии Кузанца, превратил именно его, именно идею совпадения противоположностей в ключевой источник философии Бруно. До того Бруно, по крайней мере начиная с «Исторического и критического словаря» Пьера Бейля (1740), в анахронической инверсии слыл у историков «спинозистом» (*Bayle s.v. : « son Hypothèse est au fond tout semblable au Spinozisme »*) ; Якоб Брукер дополнил спинозизм эпикурейскими и пифагорейскими влияниями; к спинозистам причисляет Бруно Фридрих Генрих Якоби в своих «Письмах об учении Спинозы» (1785), а вслед за ним и Гегель в «Лекциях по истории философии», добавив влияние «александрийцев», т. е. неоплатоников. Идеями Эрдманна вдохновился и крупнейший в XIX в. знаток и издатель Бруно Феличе Токко, в своей книге 1892 г. назвавший три главных источника философии Ноланца: Луллий, Николай из Кузы, Коперник.

Итак, Эрдманну принадлежит конечное оформление историко-философской перспективы, господствующей и поныне, которую можно представить в виде двух тезисов: во-первых, философия Кузанца есть система, основанная на принципе *coincidentia oppositorum*; во-вторых, учение Кузанца стало одним из фундаментальных принципов философии Бруно. Можно показать, что в действительности картина неизмеримо сложнее и для каждого из обоих мыслителей в отдельности, и для отношения Бруно к сочинениям Кузанца. О последнем говорит уже сама скудость

прямых ссылок на предшественника в трудах Бруно: в своих сочинениях он упоминает Кузанца по имени всего 5 раз, в то время как Аристотель и перипатетики упоминаются им 266 раз, «платоники» – свыше 150 раз, пифагорейцы — почти 80 раз.

Для того, чтобы мы имели возможность судить о взаимоотношении Бруно и Николая из Кузы более взвешенно, нам стоит прежде всего проанализировать бруновские контексты, связанные с прямым упоминанием имени Кузанца, и сравнить их с текстами последнего, которые Бруно имеет в виду. Первые две из этих ссылок никак не касаются принципа *coincidentia oppositorum*.

1.

BRUNO, *Cena de le ceneri* (1584), Dial. 3 (философы, которые, как и Коперник, полагали, что земля движется):

Ma certamente al Nolano poco se aggiunge che il Copernico, Niceta Siracusano Pitagorico, Filolao, Eraclide di Ponto, Ecfanto Pitagorico, Platone nel Timeo (benché timida et inconstantemente, per che l'avea più per fede che per scienza) et il divino Cusano nel secondo suo libro De la dotta ignoranza, et altri in ogni modo rari soggetti, l'abbino detto, insegnato e confermato prima: perché lui lo tiene per altri proprii e più saldi principii, per i quali non per autoritate, ma per vivo senso e raggione, ha cossi certo questo, come ogn'altra cosa che possa aver per certa.

CUSANUS, *De docta ignorantia*, II, 12

Iam nobis manifestum est terram istam in veritate moveri, licet nobis hoc non appareat < > si enim quis ignoraret aquam flueret ripas non videret, existens navi in medio aquae, quomodo appraehenderet navem moveri?

2.

BRUNO, *Cena de le ceneri*, Dial. 3:

[Smitho] < > mi ricordo de aver visto il Cusano, di cui il giudicio so che non riprovate, il quale vuole che anco il sole abbia parti dissimilari come la luna e la terra: per il che dice, che se attentamente fissaremo l'occhio al corpo di quello, vedremo in mezzo di quel splendore più circonferenziale che altrimenti, aver notabilissima opacità.

CUSANUS, *De docta ignorantia*, II, 12

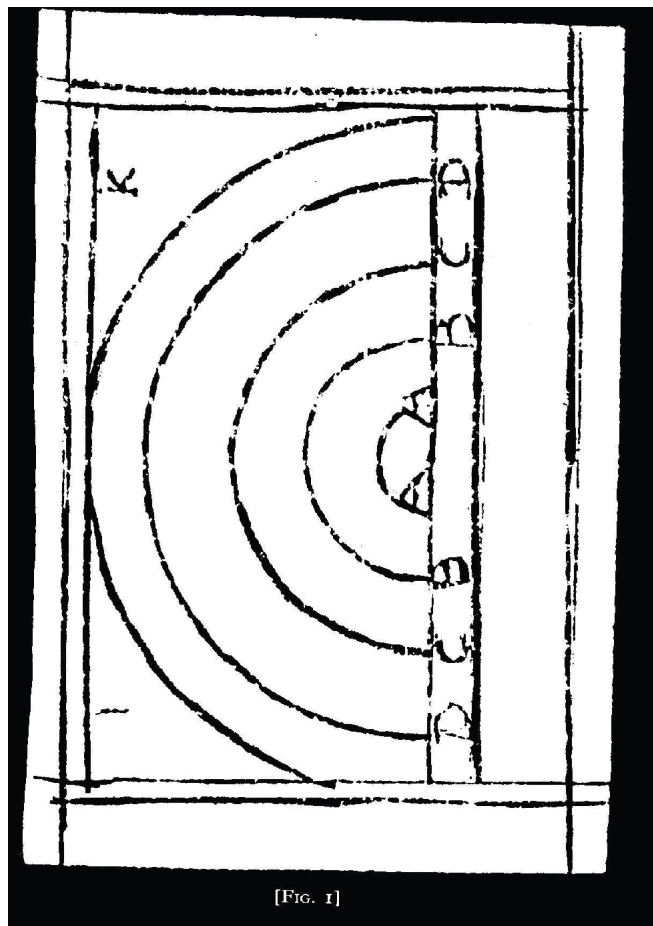
Neque color nigredinis est argumentum vilitatis eius [*sc. terrae*]; nam in sole si quis esset, non appareret illa claritas quae nobis. Considerato enim corpore solis, tunc habet quandam quasi terram centraliorem et quandam luciditatem quasi ignilem circumferentialem et in medio quasi aqueam nubem et aerem clariorem, quemadmodum terra ista sua elementa.

3.

(Ключевой пример для диалектики противоположностей у того и другого философа.)

BRUNO, *De la causa*, Dial. 5 (301) :

Ditemi, che cosa è più dissimile alla linea retta che il circolo? che cosa è più contrario al retto che il curvo? pure nel principio e minimo concordano; atteso che (come divinamente notò il Cusano, inventor di più bei secreti di geometria) qual differenza trovarai tu tra il minimo arco e la minima corda? Oltre, nel massimo, che differenza trovarai tra il circolo infinito e la linea retta? Non vedete come il circolo quanto è più grande, tanto più con il suo arco si va approssimando alla rettitudine? chi è sì cieco che non veda qualmente l'arco BB, per esser più grande che l'arco AA; e l'arco CC più grande che l'arco BB; et l'arco DD più che gli altri tre: riguardano ad esser parte di maggior circolo, e con questo più e più avvicinarsi alla rettitudine della linea infinita del circolo infinito significata per IK? Quivi certamente bisogna dire e credere che, si come quella linea che è più grande, secondo la ragione di maggior grandezza è anco più retta, similmente la massima di tutte deve essere in superlativo più di tutte retta: tanto che al fine la linea retta infinita vegna ad esser circolo infinito.

[FIG. 1]

CUSANUS, *De docta ignorantia* I, 13:

Dico igitur, quod, si esset linea infinita, illa esset recta, illa esset triangulus, illa esset circulus et esset sphaera; et pariformiter, si esset sphaera infinita, illa esset circulus, triangulus et linea; et ita de triangulo infinito atque circulo infinito idem dicendum est.

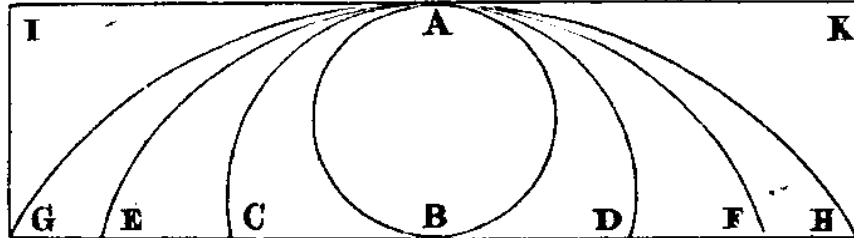
Primum autem, quod linea infinita sit recta, patet: Diameter circuli est linea recta, et circumferentia est linea curva maior diametro; si igitur curva linea in sua curvitate recipit minus, quanto circumferentia fuerit maioris circuli, igitur circumferentia maximi circuli, quae maior esse non potest, est minime curva; quare maxime recta. Coincidit igitur cum maximo minimum, ita ut ad oculum videatur necessarium esse, quod maxima linea sit recta maxime et minime curva. Nec hic potest remanere scrupulus dubii, quando in figura hic lateraliter videtur, quomodo arcus *cd* maioris circuli plus recedit a curvitate quam arcus *ef* minoris circuli, et ille plus a curvitate recedit quam arcus *gh* adhuc minoris circuli; quare linea recta *ab* erit arcus maximi circuli, qui maior esse non potest. Et ita videtur, quomodo maxima et infinita linea necessario est rectissima, cui curvitas non opponitur, – immo curvitas in ipsa maxima linea est rectitudo; et hoc est primum probandum.

BRUNUS, *De triplici minimo et mensura* (1591), I, 4 (p. 18):

54-59. Septimo, <in minimo simplici omnia idem esse, par et impar, multa et pauca, finita et infinita, ideo quod minimum sit, idem esse maximum (20) ostenditur> in minimo arcu et minima chorda, quorum omnino non possis differentiam ullam effingere, sicut etiam in idem veniunt maximus arcus atque chorda, quandoquidem tanto ad rectitudinem magis accedit, quanto maior est arcus CD EF GH, ut tandem opus sit, ut maximi cycli arcus idem sit quod recta IK. Unde sequitur circulum infinitum et rectam infinitam, idem diametrum infinitum,

campum seu aream, centrum et quodcumque aliud non differre; sicut etiam in puncto, qui minimus est circulus, non differunt.

НАДЕЖНЫЕ АЛЛЮЗИИ НА КУЗАНЦА БЕЗ УПОМИНАНИЯ ЕГО ИМЕНИ:

Непознаваемость первой причины.

BRUNO, *De la causa*, Dial. V:

Però la aritmetica similitudine e proporzione, è più accomodata che la geometrica per guidarne, per mezzo de la moltitudine, alla contemplazione et apprensione di quel principio indivisibile, che per essere unica e radical sustanza di tutte cose, non è possibile ch'abbia un certo e determinato nome, e tal dizione che significhè più tosto positiva che privativamente: e però è stato detto da altri "punto", da altri "unità", da altri "infinito", e secondo varie raggioni simili a queste.

CUSANUS, *De docta ignorantia* I, 24:

Nam manifestum est, cum maximum sit ipsum maximum simpliciter, cui nihil opponitur, nullum nomen ei proprie posse convenire : omnia enim nomina ex quadam singularitate rationis, per quam discretio fit unius ab alio, imposita sunt ; ubi vero omnia sunt unum, nullum nomen proprium esse potest. Unde recte enim ait Hermes Trismegistus : quoniam Deus est universitas rerum, tunc nullum nomen proprium est eius. <> Cum igitur Deo nihil tale particulare discretum habens oppositum, nisi diminutissime convenire possit, hinc affirmationes sunt incompactae ut ait Dionysius.

Высшее единство нельзя познать, его можно только представить символически:

CUSANUS, *De docta ignorantia* I, 21 :

Haec autem omnia ostendit circulus infinitus sine principio et fine, aeternus indivisibiliter, unissimus atque capacissimus <> Est intantum ille circulus unissimus, quod diameter est circumferentia ; infinita vero diameter habet infinitum medium, medium vero est centrum ; patet ergo centrum, diametrum et circumferentiam idem esse.

BRUNO, *De la causa*, Dial. V :

sicuramente possiamo affermare che l'universo è tutto centro, o che il centro de l'universo è per tutto; e che la circonferenza non è in parte alcuna, per quanto è differente dal centro; o pur che la circonferenza è per tutto, ma il centro non si trova in quanto che è differente da quella

BRUNO, *Lampas triginta statuarum*, cap. 10, 1:

Est sphaera infinita undique aequalis, ubi non ideo dicitur sphaera quia habeat extrema a medio aequidistantia, unde sequeretur esse finitam, ut docuit Aristoteles, sed intelligitur secundum similitudinem; ex omni termino enim aequaliter distat, quia infinite distat. Et propterea dicitur sphaera propter aequidistantiam a medio; dicitur infinita sphaera, quia eius non est unum medium simplex extra quod punctus acceptus non sit medius, sed est sphaera in qua quicumque punctus capiatur est medium, sicut in infinito spatio nullum vel possumus dicere medium vel totum medium.